

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО РАН

В. М. Кириллин

О КНИЖНОСТИ,
ЛИТЕРАТУРЕ,
ОБРАЗЕ ЖИЗНИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

МОСКВА 2013

УДК 811.161.1
ББК 81.031
К 43

Издание осуществлено при финансовой поддержке
*Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»*

Рецензенты:
д. филол. н. *А. С. Демин*,
д. филол. н. *И. В. Дергачева*

Кириллин В. М.

К 43 О книжности, литературе, образе жизни Древней Руси. — М.:
Глобал Ком, 2013. — 296 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0648-9

В книге собраны научные и научно-популярные статьи, посвященные вопросам текстологии, археографии, палеографии, герменевтики, поэтики отдельных мало изученных памятников древнерусской письменности и литературы, относящихся к XI—XVI вв. Кроме того, в ней дана историческая и культурологическая характеристика древнерусской образовательной системы и затронуты некоторые вопросы истории, культуры и церковной жизни Древней Руси. Основным авторским методом при анализе тех или иных явлений древнерусской литературы, истории, культуры является комплексный подход, позволяющий сопрягать имманентные свойства рассматриваемых фактов с широким контекстом соответствующей эпохи, выявлять их смысловые и художественные связи с областью общественных идей и культурных тенденций времени.

Книга предназначена для историков, филологов и всех интересующихся русским средневековьем. Может служить дополнительным руководством для преподавателей ВУЗов и духовных учебных заведений, читающих курсы по истории русской Православной Церкви, русской литературы и книжности, русской религиозной мысли и богослужебного обихода XI—XVII вв.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована икона
«Чудо о Флоре и Лавре» (конец XV в.)*

ISBN 978-5-9551-0648-9

© В. М. Кириллин, 2013
© Глобал Ком, 2013

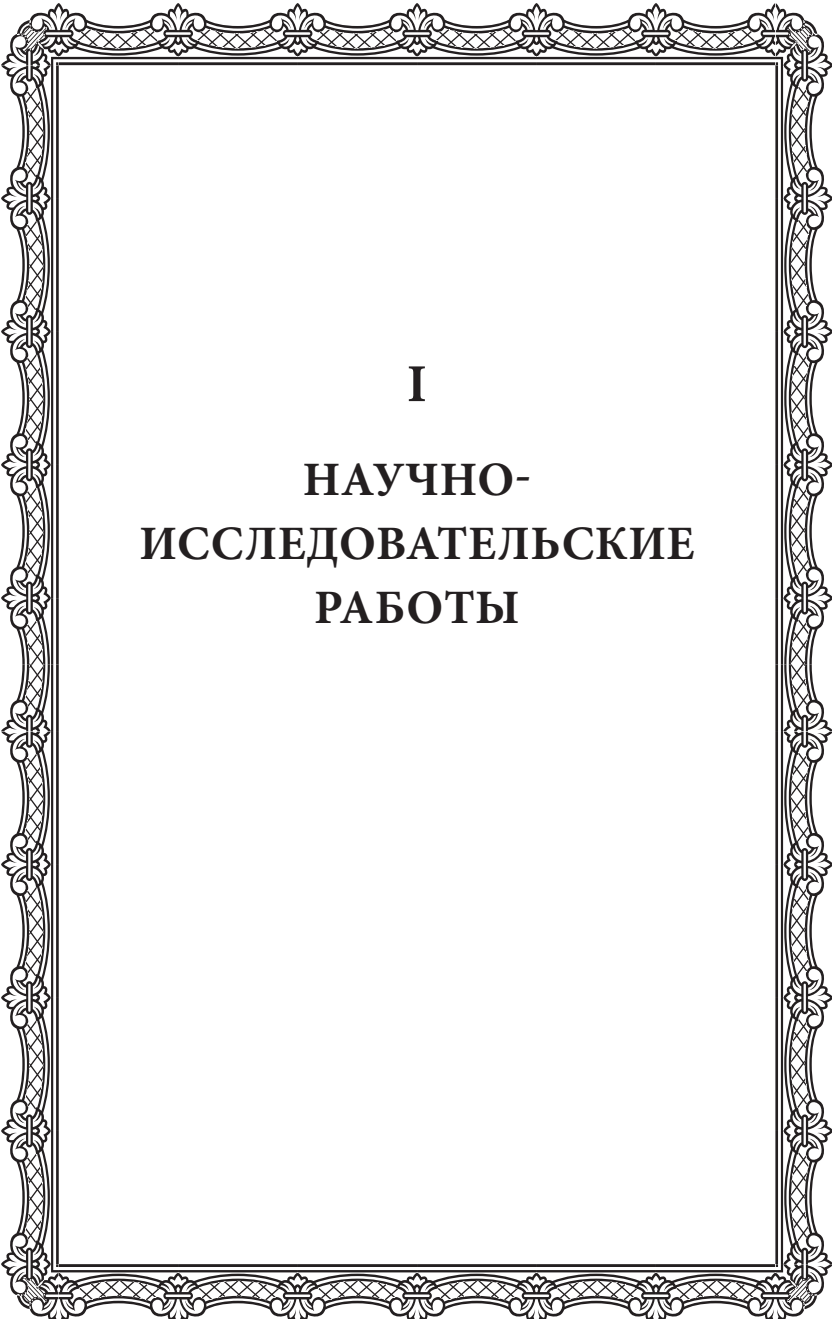
СОДЕРЖАНИЕ

I. Научно-исследовательские работы

История литературы, литургика, герменевтика.....	9
Архангельское Евангелие 1092 г. в культурно-историческом аспекте.....	9
Различные подходы при изучении западной темы в древнерусской литературе (к вопросу о комплексном анализе)	16
Таинственная поэтика Сказания о Мамаевом побоище	28
Праздник Покрова Пресвятой Богородицы на Руси	92
Археография, эдичионные опыты	116
«Пролог» в исследованиях Л. П. Жуковской	116
Три «Службника» XIV в. из рукописных собраний Российской Государственной библиотеки	122
Рукописная Постная Триодь Св.-Тр.-Сергиевой лавры № 25	134
Неизвестное рукописное Евангелие тетр XV века	141
Графико-орфографический анализ рукописного источника: к вопросу о датировке краткой редакции «Повести о новгородском белом клобуке»	151
«Великий покаянный канон» святителя Андрея, архиепископа Критского, в древнерусской переработке	170

II. Научно-популярные статьи

«Апостолам равные...». Значение деяний святых братьев Кирилла и Мефодия	199
Русская образованность в X—XVII веках	218
«Истинный наследник отечеству руськаго царствия» (О Юрии Долгоруком)	274
Указатель имен.....	
Условные сокращения	281

A decorative border with a repeating diamond and floral pattern surrounds the central text.

I

**НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
РАБОТЫ**

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ЛИТУРГИКА, ГЕРМЕНЕВТИКА

Архангельское Евангелие 1092 г. в культурно-историческом аспекте¹

Позволю себе взглянуть на существо обсуждаемых вопросов под углом культурно-исторического зрения. В этом отношении следует прежде всего выделить наблюдения И. В. Левочкина и О. В. Лосевой, Т. Л. Мироновой и А. А. Багиной. При этом очень важно подчеркнуть: названные исследователи Архангельского Евангелия изучали различный материал и в разных аспектах и тем не менее пришли к частично созвучным, по моему представлению, выводам.

Итак, что же я имею в виду? Не подчеркивая специально новаторского существа изложенных результатов (это, по-моему, очевидно), должен остановиться на следующем.

Нахожу весьма интересными выводы И. В. Левочкина о западно-европейском характере орнаментальных элементов Архангельского Евангелия, равно и переплета книги². И знаменательно то, что данный вывод так удачно согласуется с выводом О. В. Лосевой о западнославянском, в частности, чешском происхождении месяцесловной части чествуемого ныне памятника русской письменности и книж-

¹ Материал опубликован с тем же заглавием в сб.: Архангельскому Евангелию 1092 года 900 лет. Мат-лы науч. конф. М.: РГБ, 1995. С. 65—70.

² Левочкин И. В. Архангельское Евангелие 1092 г. как древнерусская рукописная книга // Архангельскому Евангелию 1092 года 900 лет. Мат-лы науч. конф. М.: РГБ, 1995. С. 21—29.

ности³. Ведь, если отмеченные особенности на самом деле отличают Архангельское Евангелие, то значит последнее должно рассматриваться как еще одно — среди очень немногих, до сих пор выявленных наукой, — свидетельство, подтверждающее научное мнение относительно действительности и действительности имевшего некогда место западнославянского культурного влияния (наряду с византийским и южнославянским) на более молодую христианскую культуру восточного славянства в рамках Киевской Руси⁴. А это чрезвычайно повышает значение Архангельского Евангелия именно как памятника ранних межславянских культурных связей, как реликвии, принадлежащей к области общеславянской церковной археологии и истории.

Но подобное заключение буквально вынуждает к еще большей хронологической конкретизации. Поэтому совершенно необходимо решить вопрос о времени проникновения на Русь протографа, послужившего основой для месящеслова Архангельского Евангелия (можно думать, такой протограф также был частью Евангелия).

Решая этот вопрос, безусловно, следует помнить о том, что родиной предполагаемого протографа, по справедливому мнению О. В. Лосевой, была Чехия; вместе с тем нужно иметь в виду, во-первых, отмеченную еще Л. П. Жуковской⁵ и подтвержденную О. В. Лосевой близость месящеслова Архангельского Евангелия к месящеслову Реймского Евангелия (которое, возможно, принадлежало дочери Ярослава Мудрого Анне, выданной замуж за французского короля после 1048 г.⁶), а во-вторых, отмеченное О. В. Лосевой отсутствие в месящеслове Архангельского Евангелия русских памятней. Первое замечание

³ Лосева О. В. Месящеслов Архангельского Евангелия 1092 г. // Архангельскому Евангелию 1092 года 900 лет. С. 46—54.

⁴ История русской литературы. В 10 т. Т. 1: Литература XI — начала XIII века. М.; Л.; 1941. С. 57; Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. М., 1087. С. 21—64; Rogov A. I. Культурные связи Киевской Руси со славянскими странами в период ее христианизации // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси.: Сб. тез. М., 1987. С. 34—36.

⁵ Жуковская Л. П. Реймское евангелие. История его изучения и текст // Предварительные публикации / Ин-т рус. яз. АН СССР. М., 1978. Вып. 114; Она же. Евангелие Анны Ярославны — королевы Франции в тектологическом отношении // Тез. докл. и сообщ. Конф. по итогам науч.-исслед. работы за 1990 г. (23 апр. 1991 г.) / Гос. Б-ка им. В. И. Ленина. М., 1991. С. 84—87.

⁶ Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве. С. 33.

позволяет протянуть линию (пусть и пунктиром) от Архангельского Евангелия к дому Ярослава Мудрого; то есть мы можем допустить, что интересующий нас протограф некогда находился в непосредственной близости к знаменитому киевскому князю-просветителю. Второе замечание позволяет связать месяцеслов Архангельского Евангелия с историей почитания Бориса и Глеба, самых ранних среди русских святых по церковному прославлению (начало их почитания относится к 20-м гг. XI в., а конкретная дата официальной канонизации вызывает споры). Иными словами, не находя их памятней в исследуемой книге, мы имеем две возможности: считать, что протограф месяцеслова Архангельского Евангелия появился на Руси либо до начала почитания Бориса и Глеба, либо до официального причисления князей-страстотерпцев к лику святых.

Первый вариант решения проблемы соответствовал бы мнению Л. П. Жуковской относительно времени написания Реймского Евангелия, — напомним: она датирует означенный памятник началом XI в. В таком случае имелись бы основания связывать месяцеслов Реймского Евангелия и Месяцеслов Архангельского Евангелия 1092 г. как архетип и позднейшую копию (которые разделены или нет протографами). Этим опять-таки подтверждалась бы мысль о возможной близости Архангельского Евангелия к дому Ярослава Мудрого. На мой взгляд, это очень важное предположение, ибо именно оно объяснило бы в свою очередь западную и, в частности, чешскую ориентацию месяцеслова Архангельского Евангелия. Вновь позволю себе напоминание: и политические, и династические, и культурные взаимоотношения Рюриковичей с западноевропейскими государствами, в том числе с Чехией, были достаточно постоянными и активными в X—XI вв.⁷ Кстати, любопытно: в начале 60-х гг. XI в. дочь Ярослава Мудрого и жена венгерского короля Анастасия приютила в основанном ею вышеградском православном Андреевском монастыре изгнанных из Чехии за приверженность к славянскому богослужению и книжности насельников знаменитого бенедиктинского Сазавского монастыря⁸, — может быть, это еще одна линия поиска.

⁷ *Рогов А. И.* Чешское наследие в культуре Древней Руси // История, культура, фольклор и этнография славянских народов / VI Международный съезд славистов. М., 1968. С. 114—129.

⁸ Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Предисл., коммент. и пер. А. И. Рогова. М., 1970. С. 13.

Второй вариант датировки предполагаемого протографа, который послужил источником для месяцеслова Архангельского Евангелия, зависит от решения вопроса о том, с каким конкретно временем должно связывать официальный акт канонизации Бориса и Глеба. На этот счет, как уже отмечалось, в науке высказывались разные мнения. Разброс крайних дат значителен: от 20-х гг. XI в. до 1072 г.⁹ Может быть, наиболее приемлемым является предположение, основанное на факте отсутствия в знаменитом «Слове о Законе и Благодати» каких бы то ни было упоминаний о Борисе и Глебе при столь нарочитом славословии их рода в лице энтузиастов христианизации Руси Владимира Святославича и Ярослава Мудрого¹⁰. Это странное для прорусского в целом контекста умолчание Илариона может быть, по-видимому, объяснено фактом отсутствия на Руси в пору работы над «Словом...» общецерковного официального признания святости князей-страстотерпцев. Но поскольку «Слово...» было создано до провозглашения Илариона митрополитом Киевским¹¹, т. е. до 1051 г., постольку можно думать, что до означенного года Борис и Глеб еще не были канонизованы. «Слово...» же вряд ли было создано ранее 1037 г.¹² Отсюда можно предположить, что протограф месяцеслова Архангельского Евангелия, так же, как «Слово о Законе и Благодати», не содержащий сведений о Борисе и Глебе, в принципе мог появиться на Руси не в начале XI в., а в означенном промежутке времени. При этом вовсе не исключены его связь с месяцесловом Реймского Евангелия и близость к Ярославу Мудрому.

Таким образом, размышления над судьбой месяцеслова Архангельского Евангелия приводят к предположению о возможной связи этого памятника с окружением одного из просвещеннейших князей Киевской Руси. Но сама возможность такой связи предполагает и дальнейшее размышление: а именно, позволяет определить то направление, в каком нужно искать истоки и причины зафиксированной текстом Архангельского Евангелия и столь убедительно выявленной в иссле-

⁹ *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). Изд-во Моск. Ун-та, 1986. С. 16—17.

¹⁰ *Дмитриев Л. А.* Сказания о Борисе и Глебе // СККДР. Вып. 1. (XI — первая половина XIV вв.). Л., 1987. С. 400.

¹¹ [*Горский А. В.*] Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844. Ч. 2. С. 206—207.

¹² Там же.

дованиях Т. Л. Мироновой¹³ и А. А. Багиной¹⁴ последовательной и систематической русификации орфографии и типа склонения существительных.

По предположению Т. Л. Мироновой, русские или восточнославянские черты текста, воспроизведенного вторым переписчиком Архангельского Евангелия, заимствованы из его протографа. Но в таком случае справедливо поставить вопрос о наиболее вероятном времени написания именно того протографа, в котором впервые отразились результаты сознательной переработки славянского евангельского текста с целью его русификации. Имея в виду высказанную выше мысль об опосредованной связи Архангельского Евангелия (через месящеслов) с домом Ярослава, почему бы не предположить, что интересующий нас протограф был создан в окружении знаменитого древнерусского князя. Действительно, чем собственно могла быть мотивирована реформа языка сакрального, передающего Благою вест о Боге, вере, спасении, — языка, посредством которого люди литургически приобщались к миссии Иисуса Христа, становились соучастниками Его проповеди, Его страдания, смерти и воскресения? Только ли ощутимым несовпадением этого божественного языка, употреблявшегося в ограде церковной, с живой русской речью, звучавшей вне церкви? Не кроется ли за такой реформой в высшей степени развитое богословское понимание, в полной мере определившееся сознание собственного достоинства, дарованного Богом права на самостоятельность решений и действий, права на жизнь по своему, без чьей-либо опеки выбору?!

Отвечая на эти вопросы, достаточно напомнить, что именно такие мотивы буквально пронизывают уже древнейшее русское летописание, «Слово о Законе и Благодати» и многие другие древнерусские литературные сочинения. Следует также напомнить, что в интересующую нас эпоху и наиболее замечательные русские князья — Владимир Святославич, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, руководствовались в своей многообразной деятельности именно идеей независимости, свободы и равноправия. Причем идея эта, коренящаяся, как

¹³ *Миронова Т. Л.* Пути становления русского извода церковнославянского языка. (На примере Архангельского Евангелия 1092 г.) // Архангельскому Евангелию 1092 года 900 лет. С. 30, 39.

¹⁴ *Багина А. А.* Преобразование архаического склонения существительных с основами на согласный в Архангельском Евангелии 1092 г. // Архангельскому Евангелию 1092 года 900 лет. С. 40—45.

можно судить по «Повести временных лет», в издревле свойственном восточным славянам самосознанию, или, если угодно, гордости, непокорливости перед другими народами, была выпестована, конечно же, на лоне христианского просвещения. И заметим: просветительство, к которому тяготели вообще многие русские князья, особенно отличало князей только что названных.

В этом отношении и в контексте обсуждаемых здесь проблем наиболее для нас интересна фигура Ярослава Мудрого — «самовластца Русстей земли», по летописному выражению. Ведь, как позволяют думать имеющиеся исторические данные, его государственная политика сопряжена была с новаторством, особенно в области церковной жизни. И, надо сказать, главной идеей, которой руководствовался при этом Ярослав Мудрый, была идея самостоятельности. Означенную идею он стремился воплотить на разных уровнях. Так, учреждение Киевской митрополии в 1037 г.¹⁵ повлекло за собой попытки установить церковную автономию; именно в свете этой тенденции были, как считается, предприняты конкретные меры: и смелое поспание грековластия в иерархической организации Русской церкви (епископ Новгородский Лука Жидята и митрополит Киевский Иларион), и частично реализованные усилия по прославлению собственных, национальных святых (благочестивые князья Борис и Глеб), и законотворчество в сфере церковной юрисдикции (Устав Ярослава Мудрого), и грандиозная храмоздательская деятельность, обустройство монастырей, градостроительство (Софийские соборы в Киеве и Новгороде, монастырь св. Георгия в Новгороде и т. д.), и, наконец, организация школьного образования (Новгород), литературного и книгописного дела (Киев). Именно на фоне всех этих замечательных проявлений духовной и интеллектуальной самостоятельности и следует, как мне кажется, рассматривать факт осуществления в близкой Ярославу Мудрому среде работы по русификации старославянской версии Евангелия.

Между прочим, факт совмещения в Архангельском Евангелии черт западных и русских (а главное, возможность предположить появление аналогичного — и исходного — факта в окружении Ярослава Мудрого) может быть квалифицирован как весьма симптоматичный, если рассматривать его в контексте известного противления древне-

¹⁵ Повесть временных лет // ПЛДР: XI — начало XII века. М., 1978. С. 164.